

ДЖЕФФЕРСОН ДЖ.

ФАРДЖОН

Джефферсон Дж. Фарджон (1883–1955)— автор более шестидесяти детективных романов, среди которых «рождественская» история «Смерть белее снега», признанная классикой золотого века английского детектива.

Роман с удовольствием открыли для себя читатели XXI века благодаря его появлению в серии «Криминальная классика британской библиотеки». Дороти Л. Сэйерс писала:

«Фарджон — непревзойденный мастер в создании таинственной атмосферы опасных приключений». Его пьеса «Номер 17» была положена в основу одноименного фильма Альфреда Хичкока.

JOSEPH JEFFERSON

FARJEON

.....

THIRTEEN
GUESTS

.....

ДЖЕФФЕРСОН ДЖ.

ФАРДЖОН

.....

ТРИНАДЦАТЬ
ГОСТЕЙ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф24

Серия «Золотой век английского детектива»

Joseph Jefferson Farjeon

THIRTEEN GUESTS

Originally published in 1936

Перевод с английского А. Кабалкина
Серийное оформление В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора
при содействии литературных агентств
David Higham Associates and The Van Lear Agency LLC.

Ф24 **Фарджон, Джозеф Джефферсон.**

Тринадцать гостей : [роман] / Фарджон Джо-
зеф Джефферсон ; [пер. с англ. А. Кабалкина]. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. —
(Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-100090-5

Тринадцать человек за столом — плохая примета. Вот и прием, который лорд Эйвлинг устроил в своем загородном имении, завершился весьма трагично: в комнате обнаружили труп незнакомца. Но кто этот человек? Почему его убили? Может, для хозяина дома или кого-то из гостей он вовсе не был незнакомцем? Однако кто же тогда убийца — модная детективная писательница, известный художник, скандальный журналист, пожилой миллионер? Инспектор Кендалл начина-ет расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100090-5

© Estate of J. Jefferson Farjeon, 2015
© Перевод. А. Кабалкин, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

Глава I

ПЕРВЫЙ НОМЕР ПРОГРАММЫ

У каждой станции собственный голос. На одних шуршит гравий, на других — песок. На некоторых дребезжат молочные бидоны. Где-то отражает эхо закопченный камень в тоннеле. Каким бы ни был голос станции, он не чужой для ее завсегдаев, окликает их по именам, не произнося имен вслух. Те же, кому этот голос не знаком, продолжают клевать носом в вагонах, потому что он ничего им не говорит, оставаясь лишь посторонним шумом.

Станция Флэншем гроыхает. Это причудливый, не оглушающий грохот, несущийся из тоннеля, а потом рассыпающийся по дуге рельс. Сначала он доносится из черной дыры тоннеля, потом его размальывает стальная дуга, а на самой станции он рассыпается шепотом гравия, от которого замираешь, как от негромкого пугающего окрика. Привычный путешественник, не размыкая век, видит мысленным взором приближающуюся короткую платформу, шеренгу подстриженных кустиков и деревянную загородку, отделяющие платформу от дороги. А также привычный щит с предостере-

жением: «Пассажиры, не пересекайте пути, когда на станции находится поезд». Сигнал — падающую руку начальника станции — печального великана, сражающегося с хаосом мироздания с помощью расписания поездов.

Из двух пассажиров, сошедших в осеннюю пятницу в 15.28 дня на станции Флэншем, таким внутренним зрением обладал лишь один. Вернее, одна — женщина лет тридцати, которую сочли бы привлекательной даже пуритане и викторианцы. Ее волосы имели бронзовый отлив, нос навевал самые радостные мысли и опровергал любые теории. Совершенные черты лица, откровенно вызывающие губы, отрицая все правила здравомыслия, должны бы были возмущать, но где там!..

Супруг, теперь покоившийся в могиле, однажды назвал ее «самым восхитительным риском» всей своей жизни, на который он сознательно пошел, женившись на ней. «Пускай она разорвет меня в клочья!» — сказал он в день свадьбы. Именно это она и сделала, опрокинув его с небес напрямиком в ад. Он, впрочем, никогда не упрекал жену, любил даже без макияжа и за три часа до кончины, в тот редкий момент, когда ее посетило раскаяние — даже худших из нас смягчает зрелище последних песчинок в песочных часах, — отшел сожаления. «Как можно посягать на то, что создал Бог? — промолвил он. — Люди обречены на страдания».

Второй пассажир был молодым мужчиной. Грохочущая музыка станции Флэншем ему ни о чем не говорила, поэтому он не обратил на нее внимания.

Женщина уже вышла на платформу, где вступила в разговор с шофером в ливрее, а мужчина только сейчас сообразил, что поезд остановился.

— Да это Флэншем! — воскликнул он.

Поезд медленно тронулся. Молодой человек вскочил, одной рукой сорвал чемодан с полки над головой, другой схватился за ручку двери. Мгновение — и чемодан вылетел на платформу. Происходящее позабавило женщину, настроенную с радостью подмечать все необычное, зато дополнительно огорчило печального великана — начальника станции, для которого это представляло угрозу.

Дальше было еще хуже. Владелец чемодана вывалился из вагона следом за своим имуществом, но при этом зацепился ногой за порог двери. Веселость женщины немедленно сменилась тревогой, тому же чувству уступило место возмущение начальника станции.

— Скорее! Помогите ему! — крикнула женщина.

На ее призыв откликнулись начальник, носильщик и водитель. Поезд ускорял ход. Пассажир сидел на платформе, держась за ушибленную ногу. Он был бледен.

— Больно, сэр? — спросил начальник станции.

— Конечно, больно! — огрызнулся пострадавший. — Почему название вашей станции не написано метровыми буквами? — Он заметил Надин и попросил прощения за повышенный тон.

— Это лишнее, — великодушно ответила она. Молодой человек был исключительно хорош собой: гладкое лицо, многообещающий взгляд больших

глаз, пусть сейчас они и кричали о боли. — Бранитесь, сколько вам угодно, не стесняйтесь!

Он отвлекся и забыл про боль. На красавицу Надин нельзя было не засмотреться. Ее властная самоуверенность стала для него утешением, скрасившим неудобство, созданное тупостью начальника станции, любопытством носильщика и высокомерием водителя.

— Спасибо, я в порядке, — сказал он и лишился чувств.

— Обморок! — определил носильщик.

— Пожалуй, нужен врач, — пробормотал начальник станции.

— Безусловно, — согласилась Надин.

Взглянув на нее, водитель прочитал в ее глазах собственные мысли. В них зажегся зеленый огонек — обычно так бывало, когда у Надин просыпался острый интерес. Муж почему-то называл это «красным светом».

— Вы сможете отнести его в машину, Артур? — спросила она.

— Запросто, — ответил водитель.

— В таком случае, если не возражаете, давайте по пути заедем к врачу.

— К доктору Падрои, мадам, — он лечит миссис Моррис. — Водитель повернулся к носильщику. — Помогите, Билл! Только не забудьте, что он не сундук.

В происходящее вмешался начальник станции. Про врача первым обмолвился он, причем с радостью, однако это не стало поводом нарушить задан-

ную последовательность действий. Это ведь была его платформа.

— Лучше подождать, пока он очухается, — произнес он.

— Разумеется, — кивнула Надин. — Не станем же мы уносить его насильно.

Через несколько минут молодой человек открыл глаза. Теперь он боролся не только с болью, но и с унижением.

— Я потерял сознание? — покраснев, спросил он.

— Все мы порой совершаем по неведению глупости, — улыбнулась Надин. — Не беспокойтесь. Думаю, вам надо к врачу.

— Она думает! — усмехнулся начальник станции. — Слишком много на себя берет!

— Боюсь, вы правы, — сказал ей молодой человек. — С ногой у меня что-то не то. Не захватите ее с собой?

— Рада, что вы сохранили чувство юмора!

— Что?

— Зачем забирать ногу, когда можно забрать вас самого?

— Как великодушно с вашей стороны!

— Сообщите, когда будете готовы.

— Если вас не затруднит, то чем быстрее, тем лучше.

Надин подала знак водителю и обратилась к пострадавшему:

— Наберитесь смелости. Когда вас поднимут, может быть больно. Я знаю, каково это, — бывала на охоте.

Он зажмурился и на протяжении двух малоприятных минут не разжимал век. Потом увидел, что плывет над землей, мимо красновато-желтых октябрьских кустов. Небо над ним было холодным и безоблачным, ноздри щипал запах осени, слух тоже улавливал осенние звуки. Где-то лаяли собаки, и он опознал по лаю породу и представил охотников в красных камзолах. С другой стороны донесся ружейный выстрел, и перед мысленным взором молодого человека возник фазан, падающий вниз с синего купола небес, завершая свою нелегкую жизнь. На расстоянии вытянутой руки проплывали ветви, такие же золотые, как грудка фазана. Еще ближе колыхалась бронзовая прядь волос... Распахнув глаза, он уставился на нее. Приступ боли заставил его перестать отвлекаться. Олени и фазаны являлись не единственными страдальцами.

— Как вы себя чувствуете?

— Могло быть хуже.

— Я вас понимаю! — В голосе Надин слышались сочувствие и симпатия. — Ничего, скоро вас осмотрит врач.

Молодой человек сообразил, что пора благодарить ее, и уже хотел начать, но бронзовая прядь приблизилась, ладонь зажала ему рот. Как ни приятно было мимолетное прикосновение ее пальцев, внутренне он запротестовал. Пальцы были холодные, но от его дыхания они согрелись. Он понимал, что она чувствует, как ему приятно, и намеренно доставляет ему удовольствие. Его протест она тоже ощутила — этого он не знал. Надин убрала руку.

Благородство было ей не чуждо: она не боролась с человеком, попавшим в неловкое положение.

«Оставила бы в покое по крайней мере оленей и лисиц», — сказал ей однажды муж, когда Надин пришлось напомнить ему о своем охотничьем мастерстве.

«Они не похожи на тебя», — заявила она.

«Не похожи, — согласился он. — С ними шансы заведомо не равны. Они не могут дать сдачи».

Тот разговор предвлял одну из самых крупных их ссор.

«Роллс-Ройс» мягко катил по улице. За бурой живой изгородью слева вырос увитый плющом домик. Солнце, завершавшее свое короткое путешествие по небосклону, пронзило плющ лучом и осветило блестящую табличку: «Л.Г. Падроу, доктор медицины». Домик был скромнее таблички и не мог без нее обходиться. Если бы не подвернувшийся весьма кстати недуг одной пожилой богатой дамы и не ежедневные визиты к ней врача, его домик был бы еще скромнее. Врач посещал Брэгли-Корт каждое утро, а случалось, что и днем, и это благоприятно сказывалось на его банковском счете. В общем, доктор Падроу считал, что миссис Моррис послана ему свыше. Однако никто не мог утверждать, что он посвящает столько времени и заботы тому, чтобы престарелая больная дольше оставалась в живых, исключительно по этой низкой причине.

Когда «Роллс-Ройс» остановился перед домом врача, тот занимался именно этим своим двусмыс-

ленным делом. Горничная сказала водителю, что хозяин на выезде.

— Он у вас в доме, — сообщила она. — Если поспешите, то застанете его.

— Оттуда он сразу вернется сюда? — спросил Артур с практичностью человека, привыкшего сталкиваться с причудами карбюраторов.

— Нет, не сразу, — ответила горничная и дерзким тоном уточнила: — В шесть у него роды.

Артур задумался. На часах было без одиннадцати минут четыре. Он заметил: до родов еще более двух часов, на что она ответила, что в подобных делах точность невозможна.

— У миссис Трамп это будет уже восьмой, — добавила горничная. — Разве не отвратительно? — Она предпочитала красоту продолжению рода и была поклонницей писательницы Мэри Стоупс.

Водитель вернулся к машине и доложил о том, что узнал. Надин посмотрела на молодого человека. В ее глазах опять мелькали зеленые огоньки.

— Попасть к врачу можно единственным способом, — произнесла она. — И врач здесь единственный. Сейчас он занят с пациенткой в Брэгли-Корт. Я сама направляюсь именно туда. Отвезти вас?

— Почему не оставить меня здесь? Я бы дождался его. Нехорошо вас утруждать.

Надин разъяснила ситуацию. До возвращения врача несколько часов. Иногда младенцы спешат на выход, а порой вовсе не торопятся объявиться в нашем беспокойном мире.

— Тогда, может, отвезете меня... — начал молодой человек и замолчал.

— Куда? — спросила Надин.

Даже у человека, выпавшего из вагона, должно было иметься место назначения за пределами платформы. Но, ценя дух приключения, она не спешила с этим разбираться.

— Я не уверен... — произнес молодой человек, и его слова пришлись Надин по душе. Осеннее солнце проявляло в тот день редкую щедрость, и у нее не было желания прекращать нежданное приключение. — Поблизости найдется гостиница?

Надин повернулась к водителю, все еще ожидавшему распоряжений.

— В Брэгли-Корт, Артур! — приказала она. — И не обращайтесь внимания на ограничения скорости.

В том, как она произносила слово «Артур», всегда присутствовало нечто туманно личное. Нет, не классовое послабление или фамильярность, но по крайней мере признание его существования и почти согласие с тем, что он мужчина. На сей раз это ее «Артур» мигом накрутило на спидометр дополнительную пару миль.

— Брэгли-Корт, наверное, не отель? — тихо осведомился молодой человек, не имевший сил сопротивляться.

— Конечно нет, — отозвалась Надин. — Я знаю только две гостиницы — «Черный олень» и «Герб игроков в крикет». «Черный олень» находится рядом со станцией. Никаких оленей никто поблизости не встречал, хотя утверждают, что когда-то

один прятался за стойкой. Но это история темная, вернее, черная. Тот олень, учтите, вышел из туннеля. По-моему, отель принимает одного постояльца в год, причем никогда одного и того же. «Герб» гораздо симпатичнее, но как раз по этой причине туда не следует соваться: мало ли какую компанию там можно застать... Да и постели там плавающие, как в какой-нибудь Венеции. Если попадете в «Герб», то можете не выйти оттуда живым.

Он попытался улыбнуться. Внимательно за ним наблюдая, Надин заметила, что делать то же самое в ответ необязательно.

— Вы все понимаете! — выпалил молодой человек.

— Да, вам больно, — произнесла Надин, справившись с желанием ответить гораздо откровеннее. — Однажды меня сбросила лошадь, так я после этого целую неделю не могла слышать шуток. Вам досаждают мои разговоры?

— Нет, что вы!

— Так вот, Брэгли-Корт. Мы торопимся туда, чтобы перехватить врача, прежде чем он отправится от одной пациентки к другой. — Она засмеялась. — Мы должны втиснуться в промежуток между старостью и младенчеством, между старухой семидесяти с лишним лет и ребенком, которому пока минус два часа.

Ее болтовня и правда была ему по душе. Она прекрасно ему помогала, легкомыслие Надин приковывало его внимание, заставляя забыть про боль. Вот только он не знал, как ему быть дальше, как на нее откликаться.

— Надеюсь, пожилая леди не сильно хворает? — осведомился молодой человек.

— Сильно, — заверила Надин. — Балансирует между жизнью и смертью, что каждому служит уроком. В том случае, конечно, если что-либо способно послужить кому-либо уроком, в чем лично я сомневаюсь. За всю жизнь я знала только двух людей, умевших заставить меня почувствовать себя поросенком. Она — одна из этих двух.

«Я знаю почему, — пронеслось у молодого человека в голове. — Она естественная, чем ставит вас в тупик».

— Это ваша мама? — спросил он.

— Вежливее было бы уточнить, не приходится ли она мне бабкой. Но я вас прощаю. Не то и не другое. Она мать нашей... моей хозяйки. Брэгги-Корт принадлежит Эйвлингам. Вы этого не знали?

— Что? Лорд Эйвлинг? Думаете, меня можно туда везти?

— Почему нет? Вы что, лейборист?

Он не сразу ответил. Издалека опять донесся собачий лай. На невидимой ветке завела сладкозвучную песнь птица, видимо слишком наевшись, чтобы смолкнуть и упорхнуть. «Вот и проглочен червячок...» — заливалась она. Это была счастливая песня, до снега было еще далеко.

— Не знаю, понимаете ли вы то, что понятно мне, — серьезно проговорил молодой человек. — Там, где вы меня выгрузите, мне придется на время задержаться.